

Делегат VII съезда писателей СССР

Василь БЫКОВ:

«...НЕСТИ ЛЮДЯМ СЛОВО ПРАВДЫ»

— Василий Владимирович, поздравляем вас с открытием съезда писателей, делегатом которого вы избраны. Вы посвятили себя разработке военной темы в нашей литературе. В этой связи хотелось бы узнать ваше мнение о сегодняшнем состоянии военной прозы, о том, как работают ваши собратья по перу...

— В последнее время мне доводилось слышать мнение некоторых литературных критиков о наступившем периоде усталости нашей военной прозы. Возможно, специалисты правы. Как и всякое живое дело, военная проза в своем развитии не может избежать определенных периодов расцвета и спада, особенно после пережитых ею блистательных лет расцвета в конце 50-х — начале 60-х годов, когда появились произведения, на многие годы определившие пути ее развития. И хотя в последующие годы литература о войне несколько потеснилась в сознании читающего народа, уступила первенство не менее блистательным произведениям «деревенской» прозы, вряд ли когда-либо померкнут в ее сокровищнице замечательные по мастерству и правдивости произведения того времени, принадлежащие перу Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Константина Симонова, Владимира Богомолова, Юрия Гончарова, Евгения Носова, Сергея Крутилина и других. Написанные, казалось бы, об одном и том же — о человеке на войне, — эти произведения несут в себе неиссякаемое разнообразие авторского отношения к войне и ее непротестным проблемам. Но, разумеется, самое ценное в них — правда пережитого, достоверность подробностей и психологии, неизменность гуманистического отношения к человеку самой трудной судьбы — солдату.

О войне написано много во всех жанрах литературы, на всех 77 языках народов нашей страны, разумеется, с различной степенью мастерства, умения, талантливости. Что до меня как читателя (да я думаю, и до большинства читателей, воевавших и не воевавших), то, может быть, для нас дороже всего в этих книгах не мастерство изложения, не красочность слога, но — правда. За тысячелетия земной истории о войне на всех языках мира написано много неправды, красивых сказок и прямой лжи. Это и понятно, потому что война, как известно, всегда была продолжением политики военными средствами и служила интересам власти поддерживающих. Наша же большая война, на полях которой решались судьбы планеты, имела другой характер и другие, отличные от предыдущих цели. Говорить неправду о ней не только безнравственно, но и преступно как по отношению к миллионам ее жертв, так и по отношению к будущему. Люди земли должны знать, от какой опасности они избавились и какой ценой досталось им это избавление.

— Очевидно, наибольшим зарядом правдивости, исторической правдивости, обладает документальная, в том числе мемуарная литература!

— С одной стороны, это так, ведь что касается читателя, то ему интересно знать все: от переживаний солдата в передовом окопе до работы крупных штабов и ставки по руководству войсками. Художественная литература многое сделала для раскрытия психологии рядового бойца и младшего офицера переднего края, но, по причине отсутствия прежде всего личного опыта у ее авторов, она оказалась некомпетентной в том, что касается крупных штабов, объединения, ставки. Этот пробел и восполняют военные мемуары, принадлежащие перу генералов, крупных военачальников. Среди них немало честных, хороших книг. Но есть и такие, где, как писал недавно Виктор Астафьев, «проступает явное вранье». В самом деле, часто трудно добраться до сути через аккуратный штакетник округлых стереотипных фраз или задним числом сочиненных подробностей, заимствованных из фронтовой печати тривиальных примеров и бесконечных страниц разговоров. Иные мемуары по своей форме смахивают на пьесы, так много и подробно (вплоть как междометий) переданы в них разговоры, речи, выступления, беседы. Можно ли поверить в их достоверность спустя 20, 30 и 40 лет? Ведь на войне было нечто поважнее пусть даже самых содержательных разговоров — было дело.

Да, люди по праву хотят знать о войне полнее, больше, особенно о том, что лежит за пределами их жизненного или военного опыта. Но, когда я читаю длинные главы, описывающие в подробностях жесты, выражения, все те же разговоры генералов, маршалов, исторических лиц, сокровенные раздумья о собственных военных просчетах бывшего наркома обороны или ставшие столь популярными в ли-

тературе сцены в кабинете Сталина, я с недоумением обращаюсь к имени автора на обложке и спрашиваю себя: откуда все это? Из каких документов, по чьим свидетельствам? Ах, это авторский домысел, стало быть, сочиненность, выдумка, но тогда, извините, тогда мне это неинтересно.

Кровь и муки народа в минувшей войне накладывают на нас первейшее из обязательств — безусловную верность правде. Кстати, последнее условие важно в отношении ко всей документальной литературе, которая в некоторой — я бы сказал, в значительной — своей части обрела ныне чересчур поэтическую раскованность, чтобы с должным основанием считаться документальной. В некоторых произведениях этого жанра при всем старании невозможно обнаружить и следа документа, разве что имя героя реально, все же остальное состоит из домыслов, описаний, все тех же диалогов и внутренних монологов, заполняющих страницы и главы. Опять как в романах, как в художественной литературе. Но кому нужна эта художественность, ради которой попирается главное и, может, единственное достоинство этого рода литературы — правда.

Впрочем, это элементарно и давно известно. Тем более что у нас есть и примеры другого рода, замечательные примеры высокого документализма и самой высокой гражданственности: здесь уместно вспомнить творчество С. С. Смирнова или же «Блокадную книгу» Адамовича и Гранина, где все — факт, жизнь, судьба, уже принадлежащие истории. Трагической странице нашей с вами истории.

Прошлая война для нас, как очень точно сказал поэт Евгений Евтушенко, — слишком сокровенная тема, прикасаться к которой надобно с ясным сознанием огромной ответственности: под ней море народной крови.

И прав Виктор Астафьев: память человеческая избирательна и любит приятное. К старости все трудное видится в ином свете, нежели тот, что освещал муки, кровь и страдания в годы военной молодости. Задним числом кому не хочется видеть себя героем? Это понятно и извинительно для всякого стареющего человека, но не для литературы. Литература не имеет права на старость и должна все помнить в подробностях, в первоизданности, не упуская ничего.

— Какие из последних книг о войне произвели на вас наибольшее впечатление?

— Возвращаясь к началу нашего разговора, повторюсь. Не знаю, устала ли военная проза или просто у нее небольшой десятиминутный привал на ее долгом пути. Как знать? Кто на войне спрашивал солдата об его усталости: солдат всегда был готов к подвигу и к смерти. Так же и военная проза. Пути и возможности ее неисповедимы. Когда, казалось бы, тема партизанской борьбы с фашизмом была до основания отработана искусством. Дмитрий Гусаров создает свой новый роман «За чертой милосердия», заставивший с особой остротой понять, что такое борьба в тылу врага. Чье сердце не содрогнулось при чтении этой действительно немилосердной в своей правдивости книги.

Когда о пехоте и ее нечеловеческих муках и крови было написано столько, что, думалось, у читателя вот-вот пропадет интерес к атакам и контратакам, окопному и госпитальному быту, Вячеслав Кондратьев напечатал «Сашку», и мы увидели, сколько еще там, в пехотной цепи, человеческих драм и литературных возможностей.

После книги Гусарова трудно было что-либо добавить к теме оккупированных территорий и немецкого тыла, но вот появились «Каратели» Алеся Адамовича, это философски-психологическое исследование предательства и природы фашизма, глубинное проникновение в человеческую патологию, равное которому вряд ли сыщется в мировой антифашистской литературе. Григорий Бакланов напечатал отличную, в ключе своих прежних прекрасных вещей повесть «Навеки девятнадцатилетний», а Юрий Бондарев в новом романе «Выбор» дал пронзительной силы страницу войны, ранящей человека и спустя тридцать лет. Новые вещи о войне на подходе у Владимира Богомолова, Виктора Астафьева, и мы не сомневаемся в их успехе, обеспеченном силой их замечательного таланта и кровью освященного опыта.

А усталость? Не знаю, из будущего будет виднее. Действительно, может оказаться, что все это пишется не со свежими силами, во время привала на большой дороге. Но если даже в таком состоянии, в период, скажем так, «нерасцветания» наша литература способна создавать такие произведения, то честь ей, хвала и слава.

Беседу записал
К. ЧЕРКАССКИЙ.